

ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, ЭТНОГРАФИЯ И ФОЛЬКЛОР СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

VII МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪЕЗД СЛАВИСТОВ

Варшава, август 1973 г.

ДОКЛАДЫ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» · МОСКВА 1973

**РУССКОЕ ОБЩЕСТВО И ЧЕРНОГОРИЯ
В 60—70-е ГОДЫ XIX в.**

Вопрос о развитии общественно-политических и культурных связей России с Черногорией рассматривался в некоторых трудах по черногорской истории и в исследованиях, посвященных русско-балканским связям¹. Конкретному изучению этого вопроса посвящено также несколько работ².

В своем докладе автор поставил задачей показать отношение русского общества к Черногории в тот период, когда она играла видную роль в борьбе славян против турецкого господства на Балканах, что в свою очередь вызывало повышенный интерес к ней русской общественности (черногоро-турецкая война 1862 г. и Восточный кризис 1875—1878 гг.).

Россия установила с Черногорией политические связи в 1711 г. В XIX в. Черногория стала занимать значительное место в восточной политике русского правительства, которое стремилось использовать ее для укрепления своего влияния на Балканах. Положительным результатом этой политики была материальная и дипломатическая помощь, оказываемая Россией черногорскому народу. Дипломатическая поддержка России имела большое значение в деле защиты независимости Черногории, а за счет русских субсидий черногорское правительство покрывало значительную часть расходов на государственные нужды и в первую очередь — на оборону.

Черногорцы испытывали большой недостаток в денежных средствах и для развития просвещения. В 1833 г. в Цетинье была открыта при поддержке России первая светская начальная школа и вслед за ней типография (1834 г.). Однако Черногория все еще не имела ни одного среднего учебного заведения, не говоря

¹ П. Ровинский. Черногория в ее прошлом и настоящем, т. I, СПб., 1879; С. А. Никитин. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX в. М., 1970.

² М. Драгович. 1711—1911 (200 лет отношений между Россией и Черногорией). Цетинье, 1911; И. Ю. Россия и Черногория со времен императора Петра I. СПб., 1883; П. Ровинский. Двухсотлетие отношений России с Черногорией (1711—1911). «Журнал министерства народного просвещения», 1912, XLI, № 9, отд. 4; Н. Л. Ширяев. Россия и Черногория. Исторический очерк. 1485—1889. СПб., 1889; Н. И. Хитрова. Культурные связи России с Черногорией (XVIII — начало XX в.). «Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии». М., 1957.

уже о высших. В 40-е годы в стране было всего шесть начальных школ. Образованных людей насчитывались единицы.

В 1837 г. русское правительство увеличило размер денежной субсидии Черногории до 23 тыс. руб., что составило почти две трети доходов ее бюджета. Из России были направлены учебники и книги для черногорских школ и церковная утварь. Такие эпизодические отправки делались обычно через русский синод.

Однако русская помощь лишь частично удовлетворяла государственные нужды. Черногорцы постоянно вели с Турцией борьбу за признание независимости и не имели условий для мирной жизни. После турецкого нападения в 1852 г. они были вынуждены переплавить на пули даже типографский шрифт.

В 1853 г. в ответ на просьбу о помощи черногорского князя Данилы русское правительство выразило готовность принять на казенный счет в русские учебные заведения пять черногорцев и в дальнейшем предоставлять возможность получать образование ежегодно трем человекам. В 1855 г. из Черногории в Россию для получения образования было направлено пять юношей, при этом князем было выражено пожелание, чтобы двух из них поместили в военное, одного — в инженерное, а остальных — в духовные учреждения³.

В последующие годы отношения между Россией и Черногорией еще более укрепились. Среди русского общества наиболее тесные связи с ней установили славянофилы, которые объединяли в своих рядах представителей буржуазно-помещичьего класса, придерживавшихся умеренно либеральных взглядов. Славянофилы сыграли большую роль в укреплении русско-славянских связей, выступив в поддержку славянского национально-освободительного движения и оказав помощь культурному развитию славянских народов.

Созданный славянофилами в 1858 г. Московский славянский благотворительный комитет поставил своей основной задачей оказание помощи культурному развитию славянских народов⁴. Комитет стал заниматься учебно-благотворительной и церковно-просветительской деятельностью среди славян. Он содержал на средства благотворителей и за счет пособий от министерства народного просвещения славянских юношей, обучавшихся в русских учебных заведениях. В первое пятилетие комитет обратил свои заботы преимущественно на болгар⁵, но и некоторым чер-

³ Архив внешней политики России (далее — АВПР), ф. Славянский стол, 1855 г., д. 4177, лл. 1, 5—6 об., 11, 14—15.

⁴ С. А. Никитин. Славянские комитеты в России в 1858—1876 годах. М., 1960, стр. 94.

⁵ «Из истории Славянского благотворительного комитета в Москве». I «Первое пятилетие (1858—1862)». М., 1871, стр. 5, 120.

ногорским юношам, обучавшимся в России, также была оказана денежная поддержка⁶.

Славянофилы ожидали обострения национально-освободительной борьбы на Балканах и освобождения славян от турецкого гнета. Председатель Московского комитета И. С. Аксаков в конце 50-х годов XIX в. собирался даже ехать на Балканы, чтобы принять непосредственное участие в борьбе герцеговинцев и боснийцев против турок, но его отговорили единомышленники⁷.

В 1860 г. Аксаков совершил поездку в Вену и по Балканскому полуострову, во время которой он побывал также в Черногории. Свои впечатления от посещения Черногории он опубликовал позже в газете «День», которая стала выходить под его редакцией в октябре 1861 г.⁸ Поскольку Аксаков являлся одним из идеологов славянофильства, то рассмотрим несколько подробнее его высказывания по черногорскому вопросу.

Аксаков высоко оценил роль Черногории в славянском национально-освободительном движении. Борьбу черногорского народа с Турцией он охарактеризовал как «четырёхвековой протест всего славянского племени против мусульманской тирании в христианской Европе». Он называл Черногорию «убежищем непокоренных славян» и «вольным военным станом, мстителем славянских обид, аванпостом славянской свободы»⁹.

С большой симпатией Аксаков отзывался о черногорцах, как о свободолюбивом и мужественном народе. Он считал, что в географическом отношении, кроме некоторых округов, Черногория представляла груды «неприступных голых утесов», куда под натиском турецкого нашествия бежало православное население, положив, таким образом, начало созданию «гнезда независимого славянства»¹⁰. Уже в этом есть доля примитивности. Этот примитивизм автора в изображении жизни и быта черногорцев создал представление у сербского демократа Живоина Жуёвича, что Аксаков считал черногорцев неспособными к государственному строю¹¹.

Идеолог славянофильства, придерживавшийся идеалистических взглядов в социологии, с подобных же позиций подошел к

⁶ Ф. Ябучанину, Р. Поповичу, а в 70-е годы — Д. Анжусу, М. Врбиче, И. Кнежевичу, С. Радоичичу, И. Поповичу и др. Центральный государственный архив Октябрьской революции, ф. 1750, д. 67, лл. 21—21 об.; Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, (далее — ОРГБЛ), ф. 239, п. 2, № 2; п. 4, № 16; п. 16, № 34; п. 17, № 10.

⁷ С. А. Никитин. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX в., стр. 213—214.

⁸ Там же, стр. 214—216; Б. П. Козьмин. Журналистика шестидесятых годов XIX в. М., 1948, стр. 60.

⁹ «День», 13 октября 1862 г.

¹⁰ Там же.

¹¹ «Современник», 1863, т. ХСVI, № 6, отд. II, стр. 266, 267.

рассмотрению черногорского общества и его истории. Его не только привели в восторг сохранившиеся в Черногории патриархальные пережитки, но он также непомерно преувеличил их значение в общественно-политической жизни. Так, у Аксакова возникло представление о Черногории, как о бесклассовом обществе, названном им «военным лагерем», в котором все воины равны. Поэтому он сделал и ошибочный вывод, что в Черногории нельзя установить правильного гражданского порядка, так как в ней отсутствовали условия для мирной жизни, а борьба с Турцией требовала сохранения «лагерного стана» во главе с духовным и военным предводителем. По его мнению, Данило, провозгласив в 1852 г. Черногорию княжеством, тем самым ослабил ее военный потенциал, так как вследствие бедности природных ресурсов страна была не в состоянии прокормить население и содержать свой государственный аппарат. Лишь в качестве «военного стана» Черногория могла противостоять Турции. В подтверждение этого заключения Аксаков восклицал: «Разгоните стан — он соберется вновь; а государству такого размера, как черногорское, потерпев поражение, трудно подняться. Стан может прятаться в ущельях и на утесах, а государству, заразившемуся притязаниями на внешний порядок, оставаться там невозможно»¹².

На основе вышеуказанных доводов Аксаков приходит к утверждению, что Черногории необходимо сначала освободиться от угрозы турецкой экспансии, а затем приступить к созданию государственного аппарата¹³. При этом он не учитывал того обстоятельства, что укрепление централизованной власти было необходимо Черногории для достижения ее окончательного освобождения от притязаний Турции.

В идеалистической схеме, примененной Аксаковым к черногорскому обществу, было рациональное зерно — это критика бюрократического управления установившегося в Черногории деспотического режима¹⁴.

Таким образом, Аксаков выступал не против Черногории как государства, а ошибочно считал, что сохранение патриархального строя поможет черногорцам в борьбе с Турцией за достижение их требований. На страницах газеты «День» он высказывал желание, чтобы черногорский князь стал во главе всеобщего славянского восстания¹⁵. При этом Аксаков считал, что после территориального расширения Черногория, став государством в полном смысле слова, сможет поставить задачу объединения всех сербских земель¹⁶.

¹² «День», 13 октября 1862 г.

¹³ Там же.

¹⁴ «День», 23 октября и 3 ноября 1862 г.

¹⁵ «День», 2 июня и 23 октября 1862 г.

¹⁶ «День», 23 октября 1862 г.

Путь решения югославянского вопроса на Балканах, предложенный славянофилами (словами их идеолога), был очень схож с политической программой, высказанной несколько позже лидером сербских либералов Владимиром Йовановичем, с той лишь разницей, что последний предназначал освободительную миссию сербской монархии¹⁷. Как славянофилы, так и сербские либералы не касались вопроса социальных преобразований. Обоим им диаметрально противостояла позиция, которую занимали в славянском вопросе демократы.

В России не одни славянофилы сочувствовали славянам. В начале 60-х годов русская прогрессивная общественность особенно интересовалась событиями в Италии в связи с ее борьбой за освобождение и объединение, а также судьбами славян, в числе которых не последнее место отводилось Черногории. Хотя в пореформенный период все усилия демократических кругов русского общества были поглощены борьбой за разрешение аграрного вопроса и в первую очередь — за отмену крепостного права, русские революционные демократы внимательно следили за развитием славянского национально-освободительного движения.

Большой интерес к славянскому вопросу проявлял А. И. Герцен, который являлся сторонником тесного единства балканских славян. Вместе с тем он выделял роль русского народа в будущей судьбе славянского мира. При этом Герцен указывал на историческую миссию России, которая, по его мнению, как самое могущественное славянское государство должна освободить славянские народы. Однако в отличие от славянофилов, связывавших освобождение славян с русским самодержавием, решение славянского вопроса он рассматривал в тесной связи с освободительной борьбой русского народа¹⁸.

В издававшейся Герценом газете «Колокол» в первое время не было помещено никакой информации о Черногории. Впоследствии он объяснил свое молчание тем, что ему было нечего высказывать, кроме «искренней братской любви», а говорить об одной любви ему не хотелось.

В 1860 г. Герцен опубликовал в газете статью под названием «Сербы и черногорцы»¹⁹. Появление этой статьи было вызвано состоявшейся в Варшаве 22 октября того же года встречей трех монархов: русского, австрийского и прусского, которая вызвала у него опасение восстания «смердящего в гробе священного союза, этого источника смерти для всего стремящегося к незави-

¹⁷ *VI. Iovanovics. Les Serbes et la mission de la Serbie dans l'Europe d'Orient. Paris, 1870.*

¹⁸ *А. И. Герцен. Русский народ и социализм. Избранные философские произведения, т. II. М., 1948, стр. 140—143.*

¹⁹ *А. И. Герцен. Собр. соч., т. XIV (Статьи из «Колокола» и другие произведения 1859—1860 годов). М., 1958, стр. 330—334.*

симости». Герцена волновала судьба славян, поэтому в период ожидавшегося в начале 60-х годов XIX в. подъема национально-освободительного движения на Балканах он обратился к сербам и черногорцам²⁰.

Герцен подверг критике позицию венского кабинета и царизма в восточном вопросе. Ввиду наметившегося сближения между Россией и Австрией он стремился предостеречь сербов и черногорцев от надежд на австрийское и царское правительства. Герцен советовал славянам не доверять царизму, так как «петербургская дружба стоит турецкой вражды и австрийского коварства, только гораздо опаснее, потому что в нее верят»²¹. По его мнению, царская Россия при существовавшей системе правления, где отсутствовала даже какая-либо видимость свободы, не могла выступить в роли освободительницы народов.

Вместе с тем Герцен провел резкую грань между тираническим самодержавием и русским свободолюбивым народом. Он указал сербам и черногорцам, что пора им убедиться в том, что «в России нет ничего меньше русского, меньше славянского, как правительство. Зимний дворец — это какая-то немецкая слобода на Неве»²².

На чью помощь должны были рассчитывать славяне? Во-первых, Герцен советовал пришедшему к власти в Черногории молодому князю Николаю проявить больше самостоятельности. Во-вторых, Герцен, поставив грань между двумя Россиями, предложил сербам и черногорцам поддержку русских революционных сил. Он писал: «Нельзя безнаказанно смешивать Россию с ее правительством... По счастью, Зимний дворец — не вся Россия, даже не весь Петербург. Другая Россия, вне дворца, вне табели о рангах, растет...»

Другая Россия приветствует Вас своими братьями, протягивает Вам руку; не смешивайте же ее с руками всех этих квартальных пропагандистов, агитаторов с Анной на шее...»²³

Но как установить связь с революционной Россией? На этот вопрос по конспиративным причинам он не мог дать ответа. На первый случай в качестве связующего момента он предложил свой заграничный орган. По его утверждению, «Колокол», хотя и был слишком слаб, «чтоб служить мостом для легионов», но мог явиться «доской, брошенной через овраг, на которой могут встре-

²⁰ Нам неизвестна реакция на эту статью в Черногории. Удалось лишь установить, что об обращении Герцена знали сербские официальные круги, о чем свидетельствует хранящийся в рукописи перевод статьи на сербский язык в фонде бывшего премьер-министра Сербии Ильи Гарашанина. Архив НР Србије, ф. И. Г., д. 1135.

²¹ А. И. Герцен. Собр. соч., т. XIV, стр. 331.

²² Там же.

²³ Там же, стр. 331, 333.

таться два брата, потолковать о своих делах и пожать друг другу руки»²⁴.

Однако в Черногории при ее экономической отсталости с наличием патриархальных пережитков и слабой классовой дифференциацией еще не были созданы условия для возникновения демократических сил, которые смогли бы установить связь с русским революционным движением, как это предлагал Герцен.

Н. Г. Чернышевский как глава русской революционной демократии не мог оставить вне поля зрения борьбу славян за свое освобождение, поскольку это был вопрос, волновавший все русское общество. Он хорошо знал славянские языки, опубликовал ряд исследований по славянской филологии, выступив, таким образом, и в роли слависта. Чернышевского очень интересовали все стороны жизни славянских народов, в особенности развитие их национально-освободительного движения. Славянской проблеме он посвятил ряд статей в редактируемом им журнале «Современник» и, кроме того, выступал по этому вопросу в политических обзорах и рецензиях²⁵.

В 1854 г. через два года после нападения на Черногорию турецких войск, возглавляемых Омер-пашой, Чернышевский поместил в «Современнике» статью Е. П. Ковалевского «Жизнь и смерть последнего владыки Черногории и последовавшие затем события»²⁶. В опубликованном им в «Отечественных записках» обзоре журналистики за 1854 г. он охарактеризовал вышеуказанную работу как лучшую из оригинальных статей «Современника». Чернышевский высоко оценил значение борьбы Черногории с Турцией, указав на то, что «геройское мужество черногорцев, которое в последнюю войну их с Омер-пашою проявилось едва ли не с большим блеском, нежели когда-нибудь, придает важность ничтожному клочку бесплодной земли, населенной горстью людей». Он также отметил, что во время войны с Турцией Черногория привлекла всеобщее внимание²⁷.

Восстание, возникшее в начале 1861 г. в южной Герцеговине и последовавшая вскоре черногоро-турецкая война 1862 г., снова усилили интерес русского общества к Черногории. По поводу этого в политическом обзоре «Современника» указывалось: «В нашей литературе выразилось в последние годы положительное сочувствие к славянскому вопросу. Он перестал занимать одних специалистов и делается предметом более или менее общего внимания»²⁸.

²⁴ А. И. Герцен. Собр. соч., т. XIV, стр. 333—334.

²⁵ Л. Ерихонов. Русские революционные демократы и общественная мысль южных славян в 60—70-х годах XIX в. М., 1950, стр. 38, 39.

²⁶ «Современник», 1854, т. XLI, № 6, стр. 55—84.

²⁷ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XVI. М., 1953, стр. 47.

²⁸ «Современник», 1861, т. LXXXVI, № 3, отд. II, стр. 2.

В это время Чернышевским была опубликована статья «Народная бестолковость», в которой он подверг критике панславистские взгляды, развивавшиеся славянофилами на страницах газеты «День», в особенности их концепцию поглощения славянских народов Россией, навязывания им русского языка и православной веры. В ответ на громкие фразы славянофилов о любви к славянам Чернышевский заявил, что он не меньше их сочувствует славянским народам.

Одновременно с разоблачением панславизма русский демократ поднял вопрос о праве славянских народов самим решать свою судьбу, выразив при этом уверенность в силу народных масс. Чернышевский считал, что только сами народы могут завоевать свободу путем упорной революционной борьбы. Он говорил, что славяне для своего освобождения от турецкого гнета не нуждаются в чьей-либо посторонней помощи, а им нужна только уверенность, что другие державы не будут препятствовать их борьбе. «Ведь турок в Европе только два миллиона, а славян — семь или восемь миллионов. Неужели не могли бы они справиться с турками?»²⁹

Совершенно справедливо разоблачая внешнеполитические устремления царизма и его надежды на захват проливов, Чернышевский вместе с тем совсем сбросил со счета завоевательные планы Англии и Франции в восточной политике. Он ошибочно считал, что поддержка, оказывавшаяся Турции со стороны этих великих держав, была вызвана только опасением проникновения России на Балканы. В связи с этим Чернышевский заявил славянофилам: «...турецкие славяне освободятся без всяких пособий от нас; своими чувствительными рассуждениями о призвании русского орла покрыть славянские племена могущественными крыльями вы положительно вредите освобождению турецких славян, возбуждая тревогу в западных державах»³⁰.

Чернышевский переоценивал также возможности славянских народов и преуменьшал слабость Турецкой империи, которая все еще сохраняла довольно прочные позиции на Балканах. В этом отношении Герцен, находясь в Европе, был более осведомлен во внешнеполитической обстановке и сумел сделать правильный вывод об объективно прогрессивной роли России в Восточном вопросе, несмотря на ее своекорыстные цели.

При условиях, сложившихся в то время на Балканах, славяне были вынуждены искать помощи вовне. Многовековое турецкое господство давило народные силы и препятствовало объединению и освобождению славян. Попытка Черногории оказать помощь герцеговинцам в их стремлении сбросить турецкое иго привела к тому, что в апреле 1862 г. Турция снова

²⁹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VII. М., 1950, стр. 837—838.

³⁰ Там же, стр. 838.

обрушила против Черногории 50-тысячную армию под командованием Омер-паши. В продолжение первых четырех месяцев ценой нечеловеческих усилий черногорцы не только успешно сопротивлялись, но и нанесли ряд поражений туркам. Только за счет больших жертв турецкой армии удалось продвинуться в глубь страны.

Независимость Черногории оказалась под угрозой турецкого завоевания. Энергичное дипломатическое вмешательство России совместно с Францией прекратило турецкое наступление и принудило Порту отозвать войска из Черногории. Помимо дипломатической поддержки страна, поля которой были вытоптаны, а селения разрушены турецкой армией, нуждалась в денежной помощи. Многие семьи остались без крова, а неурожайный год сулил им голодную зиму.

Во время войны Черногории с Турцией русское общество отнеслось с горячим сочувствием к героической борьбе черногорцев. Значительную роль в пробуждении общественного мнения в России сыграла пресса, которая энергично выступила в поддержку Черногории. Русские газеты много места отводили черногорской информации.

Среди русских периодических изданий в 1862 г. журналы «Современник» и «Русское слово» являлись единственными органами демократической печати. Внимание революционных демократов было поглощено борьбой с царизмом. Все же «Русское слово» поместило небольшое сообщение о Черногории, где указывалось, что участие черногорских добровольцев в герцеговинском восстании было использовано Портой в качестве повода для объявления войны Черногории. Вместе с тем редакция выразила свое осуждение действиям «англо-австрийско-турецкой коалиции»³¹.

Значительное место освещению черногоро-турецкой войны стала отводить славянофильская газета «День». Роль этой газеты в освещении борьбы герцеговинцев и черногорцев против турецкого господства впоследствии была отмечена «Современником» в статье «Славянский юг», автором которой являлся Ж. Жуёвич, выступивший под псевдонимом Ж. Склав³². Однако с 1 июня 1862 г. в связи с запрещением цензурой издания газеты «День» на три месяца славянофилы были лишены возможности освещать развитие событий в Черногории.

Вопрос о необходимости оказания денежной помощи Черногории первым в России подняли западники на страницах газеты «Современное слово». Однако нужно заметить, что в начале 60-х годов XIX в. старый спор славянофилов с западниками, который в 40-х годах потряс русское общество, утра-

³¹ «Русское слово», 1862, кн. 4, апрель, стр. 27—28.

³² «Современник», 1863, т. ХСVI, № 6, стр. 259.

тил свою злободневность. К этому времени в России произошло изменение в расстановке общественно-политических сил. После отмены в 1861 г. крепостного права обнаружилось резкое размежевание между революционно-демократическим и либеральным лагерями. В буржуазно-помещичьем лагере произошло сближение западников и славянофилов, и все же газета «Современное слово», которая начала выходить в середине 1862 г. на базе органа военного министерства «Русский инвалид», в какой-то степени продолжила традиции западников, выступив за буржуазные преобразования в России. С приходом на должность редактора Н. Г. Писаревского эта газета, несмотря на свое официальное назначение, заняла видное место среди прогрессивных органов русской печати. В ее политических обозрениях значительное место отводилось освещению итальянского национально-освободительного движения, а по мере нарастания антитурецкого движения на Балканах редакция стала уделять внимание рассмотрению восточного вопроса и борьбе славянских народов против Турции. Издание «Современного слова» было прекращено правительством 2 июня 1863 г.³³

После нападения турецкой армии на Черногорию в «Современном слове» было помещено несколько информации, проникнутых чувством солидарности с черногорским народом. Автор статьи «Вторжение Турции в Черногорию» дал следующую оценку характеру этой войны: «...нынешняя война Порты с черногорцами имеет теперь, с одной стороны, значение чисто завоевательной, с другой стороны, смысл чисто оборонительной войны, борьбы за независимость родины»³⁴.

15 августа 1862 г. «Современное слово» опубликовало обращение к русскому обществу с призывом оказать денежную помощь черногорцам. В обращении говорилось о тяжелом положении черногорцев, о том, что все мужское население, включая даже пятнадцатилетних юношей, поднялось на защиту отечества, что посевы уничтожены нашествием турецкой армии и в ближайшем будущем населению угрожает голод. Обращение заканчивалось словами: «Неужели мы, которые столько твердим о нашем сочувствии к славянам, которые признаем справедливость их дела, останемся сложа руки и не пожертвуем для помощи им хоть малой лепты?»³⁵.

В дальнейшем в газете трижды публиковались сообщения о необходимости продолжения сбора денежных средств в пользу черногорцев. Для привлечения к участию в сборе пожертвований возможно большего числа представителей русского обще-

³³ «Русская периодическая печать (1702—1894)». Справочник. М., 1959, стр. 147, 430—431.

³⁴ «Современное слово», 10 августа 1862 г.

³⁵ «Современное слово», 15 августа 1862 г.

ства 18 августа 1862 г. редакция обратилась с призывом ко всем русским периодическим изданиям начать агитацию по сбору денежных средств в пользу Черногории.

Почин газеты «Современное слово» был принят с горячим сочувствием русскими читателями. Петербургская интеллигенция организовала литературно-музыкальный вечер, сбор с которого внесли в пользу черногорцев³⁶. На призыв «Современного слова» откликнулась как правительственная пресса («Journal de St. Pétersbourg»), так и различные либерально-буржуазные органы («Санкт-Петербургские ведомости», «Московские ведомости», «Русской вестник», «Русский мир», «Одесский вестник» и др.)³⁷.

Славянофилы опоздали с публикацией объявления о сборе средств в пользу черногорского народа из-за приостановки издания газеты «День». После возобновления издания (1 сентября 1862 г.) редакция обратилась к читателям с призывом о помощи Черногории, в котором указывалось, что черногорцы одни приняли на себя всю тяжесть убийственной кровопролитной войны с громадными оттоманскими полчищами и без всякой помощи совершают «истинно изумительные» подвиги мужества и терпения. «Если Россия,— говорилось в призыве,— по разным без всякого сомнения уважительным причинам не может помочь православным славянам непосредственным участием в борьбе, то пошлем им денежное пособие, в котором они так нуждаются»³⁸.

Редакция «Современного слова» не только выступила инициатором в кампании по сбору денежных средств в пользу Черногории, но поставила под сомнение помощь славянофилов славянам и подвергла критике их панславистскую теорию. После этого между западниками («Современное слово») и славянофилами («День») разгорелась острая полемика³⁹. Славянофилов поддержал редактор «Русского вестника» М. Н. Катков, в прошлом принадлежавший к либерально-западническому течению, но после аграрной реформы 1861 г. перешедший в лагерь реакции.

Во время этой полемики был поднят вопрос: какую помощь должно оказывать русское общество Черногории? «Современное слово» заявило, что до сих пор в России раздавались только пустые фразы о любви к славянам, в том числе и к черногорцам, с которыми у русских существовали тесные исторические

³⁶ «Современное слово», 19 августа 1862 г.

³⁷ См.: *Н. И. Хитрова*. Реакция русской прессы на черногоро-турецкую войну 1862 г. «Россия и славяне». М., 1972, стр. 131—133.

³⁸ «День», 1 сентября 1862 г.

³⁹ См. об этой полемике: *Н. И. Хитрова*. Реакция русской прессы на черногоро-турецкую войну 1862 г., стр. 130—137.

связи. Русское общество на деле ничем не проявило своего «хва-
лебного сочувствия» к Черногории, так как все ее содействие
ограничивалось пожертвованиями нескольких благочестивых лиц
на строительство церквей и подаваниями приезжавшим монахам.
В связи с этим «Современное слово» критиковало славянофилов,
поскольку они пользовались монополией на помощь славянам.
Редакция газеты охарактеризовала их деятельность, как «де-
монстрацию на словах». Основываясь на вышеуказанном ут-
верждении, она спрашивала: это ли было нужно целому наро-
ду, терпящему разорение за свою любовь к свободе отечества?
Одновременно с критикой славянофилов «Современное слово»
выступило с предложением об оказании славянам более значи-
тельной денежной поддержки⁴⁰.

В ответ на обвинение славянофилов в бездеятельности высту-
пивший в их защиту Катков, а вслед за ним и сам Аксаков стали
ссылаться на деятельность Московского славянского комитета
и его помощь в развитии просвещения и обучения славян⁴¹.
После этого редакция «Современного слова» сделала оговорку,
что ее критика относится преимущественно к славянофилам, а не
к Московскому комитету, который объединял также лиц, сочувст-
вовавших освобождению славян. В то же время газета заявила
славянофилам, что нельзя ограничивать помощь религиозной
пропагандой и поддержкой православия (т. е. только «жертво-
вать колокола»), а необходимо оказывать непосредственную
помощь черногорскому народу в его борьбе за независимость⁴².

В полемике принял участие журнал «Время», по своему на-
правлению тесно примыкавший к славянофилам. На его страни-
цах была опубликована статья без подписи «Славянофилы,
черногорцы и западники, самая последняя перепалка». В статье
указывалось, что черногорцам необходимо помочь: «Делом
нельзя, так хоть деньгами»⁴³. В заключение автор делал вывод,
что в славянских государствах возникают национальные силы,
которым предстоит решить вопрос о национальном освобождении.
Что же касается задач русского общества, то оно должно ока-
зать посильную поддержку черногорцам в их борьбе за незави-
симость, а не растрачивать силы в беспредметной полемике
западничества со славянофильством⁴⁴.

Пolemика и материалы, опубликованные в 1862 г. в русской
прессе, способствовали пробуждению внимания русского общест-
ва к героической борьбе черногорского народа, которое внесло
свою посильную лепту в поддержку их справедливого дела.

⁴⁰ «Современное слово», 15 августа 1862 г.

⁴¹ «Современная летопись», 1862, № 34; «День», 1 сентября 1862 г.

⁴² «Современное слово», 19 сентября 1862 г.

⁴³ «Время», 1862, сентябрь, стр. 132.

⁴⁴ Там же, стр. 136.

Самая большая сумма денежных пожертвований поступила в адрес газеты «Современное слово» — около 4 тыс. руб.⁴⁵ Редакция славянофильского «Дня» собрала почти в два раза меньше — 2683 руб.⁴⁶ Поскольку славянофилы производили сбор денег под лозунгом оказания помощи всем славянам, отстаивающим свою независимость, то из вышеуказанной суммы Московский комитет только 1 тыс. руб. направил в Черногорию и Герцеговину⁴⁷. Всего до октября 1862 г. Черногория получила из России 20 164 гульдена, собранных в виде пожертвований, и 166 331 — от правительства⁴⁸.

После того как Черногория была вынуждена подписать в августе 1862 г. тяжелые условия мирного договора, навязанные ей Турцией, русское общество выступило в поддержку ее внешнеполитических требований. На этот раз славянофилы и западники проявили полное единодушие. На страницах газет «День» и «Современное слово» был выражен протест против проведения военной дороги через черногорскую территорию и возведения на ней блокгаузов⁴⁹. В это время Аксаков опубликовал статью «Договор Порты с Черногорией», основные положения которой нами уже были приведены при характеристике его взглядов. В этой статье он протестовал против действий дипломатии, допустившей возможность сильному напасть на слабого, и выразил сожаление, что Россия запоздала с протестом. Идеолог славянофильства призвал великие державы создать для Черногории «средства существования и гражданского развития, укрепив за ней пристань у моря и землю Герцеговины — и во всяком случае не дозволив туркам основаться укрепленными поселениями в единственном убежище славянской свободы»⁵⁰.

В 60-е годы XIX в. большую роль в ознакомлении русских читателей с положением Черногории сыграл сербский демократ Ж. Жуёвич, который за время пребывания в России активно сотрудничал в русской периодической печати. В 1863 г. он возглавлял отдел «Славянские земли» в демократической газете «Очерки», а в 1864—1866 гг. заведовал славянским отделом в «Санкт-Петербургских ведомостях». Кроме того, он опубликовал две статьи в «Современнике»⁵¹.

⁴⁵ «Современное слово», 4 декабря 1862 г.

⁴⁶ «День», 29 декабря 1862 г.

⁴⁷ «Краткий отчет о десятилетней деятельности (1858—1868) славянского благотворительного комитета в Москве, составленный секретарем его Н. А. Поповым». «Славянский съезд в Праге и годовщина съезда в Москве». М., 1868, стр. II, 19.

⁴⁸ Б. Павићевич. Црна Гора крајем 1862 године. «Историски часопис», књ. IX—X. Београд, 1960, стр. 435.

⁴⁹ «День», 13, 20 и 27 октября, 10 и 17 ноября, 1 декабря 1862 г.; «Современное слово», 14 октября 1862 г.

⁵⁰ «День», 3 ноября 1862 г.

⁵¹ В. Г. Карасев. Сотрудничество Живоина Жуёвича в «Современнике» (1863—1865). «Советское славяноведение», 1971, № 1, стр. 41—58.

Жуёвич, являясь последователем Чернышевского, придерживался мнения о необходимости революционной борьбы самих славянских народов за освобождение. На основании реального представления условий и обстановки, сложившейся в то время на Балканах, в отличие от своего учителя он сделал правильный вывод о неготовности славян к борьбе. Исключение Жуёвич сделал только для Черногории, отметив ее заслуги в антитурецком движении ⁵².

В статьях, опубликованных в русской прессе, сербский демократ выступил с критикой славянофильства и, в частности, против их идеализации черногорского общества. Он указал на социальное неравенство и установление деспотического режима, при котором существовало беззаконие. В противоположность Аксакову Жуёвич считал, что провозглашение Черногории княжеством было прогрессивным явлением, так как способствовало укреплению внешнеполитического положения страны. В то же время он отметил то положительное, что сделали славянофилы в деле содействия развитию просвещения и укрепления русско-черногорских связей.

В конце 60-х годов XIX в. Россия стала оказывать более действенную помощь Черногории в развитии ее просвещения. У последней установились на некоторое время (до 1875 г.) мирные отношения с Турцией, и черногорцы все свои усилия направили на то, чтобы достигнуть хотя бы некоторого благоустройства страны и развития культуры. Между тем состояние школьного образования в ней продолжало находиться на низком уровне из-за отсутствия необходимых материальных средств и недостатка подготовленных учителей. Из черногорцев, получивших образование в русских учебных заведениях, некоторые остались в России ⁵³.

В 1863 г. в Черногории была открыта богословская школа — первое среднее учебное заведение в стране. Преподавателями ее были архимандрит Н. Дучич и Ф. Ябучанин, окончивший Петербургскую духовную академию ⁵⁴. Богословская школа была закрыта спустя полгода из-за недостатка средств.

В 1869 г. в Цетинье на средства России были открыты учительско-богословская семинария и Женский черногорский институт.

⁵² Ж. Склав. Славянский юг. «Современник», 1863, т. ХСVI, № 6, стр. 265—267.

⁵³ В 1859 г. в ответ на просьбу о помощи черногорца Михаила Стефановича Зоновича, окончившего в Кишиневе гимназию, Азиатский департамент выдал ему 150 руб. серебром для возвращения на родину. Однако он подыскал себе службу и остался в Бессарабии. АВПР, ф. Славянский стол, 1859—1860 гг., д. 4216, лл. 1, 4, 5 об.

⁵⁴ В 1862 г. Азиатский департамент оплатил путевые издержки в Черногорию Филиппа Ябучанина и предоставил ему возможность купить учебные пособия и книги. АВПР, ф. Славянский стол, 1862 г., д. 4247, л. 4.

На содержание семинарии отпускалось ежегодно 8 тыс. руб. (4 тыс. руб. из средств русского синода и 4 тыс.— министерства финансов)⁵⁵. Ректором, по рекомендации протоиерея церкви при русском посольстве в Вене М. Ф. Раевского, был назначен серб из Воеводины Милан Костиц, окончивший Киевскую духовную академию. В первый год приняли в семинарию 37 человек⁵⁶.

На содержание Женского института, который являлся первым в стране средним учебным заведением для девочек, министерство народного просвещения России переводило ежегодно по 5700 руб. Кроме того, оно периодически снабжало институт книгами и другими учебными пособиями. Первоначально институт был рассчитан на 30 воспитанниц, нахсдившихся на полном пансионе⁵⁷. Первой начальницей Женского института была русская учительница Н. П. Пацевич, которая приехала в Черногорию в феврале 1870 г., а затем в течение десяти лет руководила институтом и преподавала русский и французский языки, ее помощницей была сестра — А. Н. Пацевич. Сразу же после основания институт приобрел известность как образцовое женское учебное заведение. Сначала в нем почти все предметы вели две сербские учительницы, а через четыре года их заменили черногорки: окончившая институт А. Попович и М. Вукичевич, которая получила образование за границей⁵⁸.

Деятельность славянских комитетов стала принимать более широкое направление, выходя за рамки поддержки православия и развития просвещения. Когда в Боке Которской вспыхнуло в 1869 г. восстание против австрийского гнета, Московский комитет начал сбор пожертвований в пользу Черногории⁵⁹, которая предоставила убежище повстанцам, скрывавшимся от австрийских репрессий. 14 февраля 1870 г. комитет выслал в Черногорию вексель на 3 тыс. флоринов, предназначавшийся для оказания помощи «пострадавшим во время Которского восстания»⁶⁰. Но наибольший размах это направление деятельности приняло в период Восточного кризиса, как об этом будет сказано далее.

Вместе с тем славянские комитеты увеличили помощь на культурное развитие Черногории, которая состояла в следующем: высылка бесплатно книг и газет («Голос»), предоставление де-

⁵⁵ П. Ровинский. Черногория в ее прошлом и настоящем., т. III, стр. 286.

⁵⁶ М. Костиц. Школа и жизнь в Черногории. «Славянский ежегодник». Киев, 1877, стр. 212, 219.

⁵⁷ П. А. Ровинский. Девичий институт императрицы Марии в Цетинье. «Журнал министерства народного просвещения», 1890, ч. ССL XXI, октябрь, стр. 54; Р. Драрићевић. Дјевојачки институт на Цетинју. «Историски записи», 1950, св. 1—3, стр. 43.

⁵⁸ П. А. Ровинский. Девичий институт императрицы Марии в Цетинье, стр. 56, 59.

⁵⁹ Наиболее активно сбор денег происходил первоначально в Москве и Харькове, где в декабре было собрано 186 и 79 руб. ОРГБЛ, ф. 239, п. 2, № 2.

⁶⁰ ОРГБЛ, ф. 239, п. 9, № 42.

нежных средств для издания книг (И. Сундечичу) и содействие в распространении в России черногорской газеты «Црногорка»⁶¹. В 1872 г., когда Петербургский комитет организовал юбилей по случаю 200-летия Петра Великого, с лекциями о развитии русско-черногорских связей выступили русские ученые — В. И. Ламанский и П. Н. Погодин⁶².

Число черногорцев, обучавшихся в русских университетах и других высших и средних учебных заведениях, увеличилось. Русское правительство предоставляло им, как и всем уроженцам южнославянских стран, всевозможные льготы при поступлении в учебные заведения и оказывало материальную помощь во время обучения⁶³. Так, в 1863 г. в Петербургском технологическом институте были учреждены две казенные вакансии, которые замещались преимущественно уроженцами Сербии и Черногории⁶⁴.

Большую работу по организации обучения славян стали проводить славянофилы, возможности которых увеличились в связи с созданием новых комитетов. Вслед за Московским в 1868 г. возник Петербургский, а затем Киевский и Одесский славянские комитеты (1869 и 1870 гг.). Петербургский комитет за время с 1868 по 1893 г. обучил 196 славян, из них 18 черногорцев⁶⁵. Среди его стипендиатов был Д. Бакич, который, будучи студентом Петербургского университета, опубликовал в русских изданиях несколько статей по истории Черногории.

Судьба славян, в том числе и черногорцев, стала особенно сильно занимать умы русского общества в период Восточного кризиса.

Началом Восточного кризиса послужило возникшее весной 1875 г. восстание в Боснии и Герцеговине. Первоначально Черногория под давлением великих держав сохраняла нейтралитет. Однако она предоставила убежище раненым герцеговинским повстанцам и их семьям, бежавшим от преследований турецких властей. Число беженцев в Черногории исчислялось цифрой 50 тыс. человек (при общей численности черногорского населения 120 тыс.). Всем им надо было предоставить кров и питание⁶⁶.

В июне 1876 г. Черногория совместно с Сербией вступила в войну с Турцией, что вызвало дополнительные расходы на воен-

⁶¹ «Первые 15 лет существования Славянского благотворительного общества». СПб., 1883, стр. 57, 154, 202; ОРГБЛ, ф. 239, п. 19, № 33.

⁶² «Первые 15 лет существования Славянского благотворительного общества», стр. 153, 193.

⁶³ *Н. И. Хитрова*. Культурные связи России с Черногорией (XVIII — начало XIX в.), стр. 173—178.

⁶⁴ Центральный государственный исторический архив в Ленинграде, ф. 733. оп. 158, 1863—1879 гг., д. 7, лл. 10, 99 (далее ЦГИАЛ).

⁶⁵ Государственный исторический архив Ленинградской области, ф. 400, оп. 1, д. 1а, л. 1—7.

⁶⁶ «Голос», 14 октября 1875 г.

ные нужды и осложнило ее положение. С началом военных действий прекратились полевые работы, и хлеб остался несобраным. Почти весь скот был пожертвован для нужд войска. Во время войны число переселенцев из Герцеговины увеличилось за счет выходцев из Старой Сербии и Албании и достигло почти 70 тыс. человек. К ним прибавилось еще 30 тыс. черногорцев, которые, израсходовав свои незначительные продовольственные запасы, оказались в таком же безвыходном положении, как и переселенцы⁶⁷. Несмотря на трудности, черногорская армия вела в Герцеговине успешные бои с превосходящими силами противника. На албанском фронте черногорцы одержали победу над сорокатысячной турецкой армией (на Фундине) и освободили значительную территорию.

Подъем национально-освободительного движения на Балканах в период Восточного кризиса снова был встречен с большим сочувствием русской общественностью. В оказании помощи Черногории помимо официальной России участвовали различные слои русского общества⁶⁸.

Остановимся первоначально на помощи, оказанной официальной Россией, которая по-прежнему уделяла большое внимание Черногории для проведения своей политики в Восточном вопросе. Кроме выплаты ежегодной субсидии, русское правительство предоставило Черногории деньги на покупку хлеба для герцеговинских беженцев⁶⁹.

Большую активность в организации помощи Черногории проявил русский консул в Дубровнике А. С. Ионин. Он немедленно поставил в известность русское министерство иностранных дел о тяжелом экономическом положении, сложившемся в Черногории, и просил об увеличении выплаты ей денежных средств⁷⁰. Вместе с тем русский консул предложил, чтобы в Черногорию были направлены также частные пожертвования и транспорты с хлебом⁷¹. Зачастую он лично закупал в Австро-Венгрии продовольствие, необходимые предметы и договаривался об их транспортировке в Черногорию. В ноябре 1876 г. он выехал в Россию, чтобы ходатайствовать о предоставлении Черногории средств на военные расходы.

В результате этого русское правительство согласилось отпустить Черногории 1 млн. руб. В конце 1876 г. было закуплено для

⁶⁷ А. Васильев. Среди народных страданий. СПб., 1905, стр. 4, 5.

⁶⁸ Н. И. Хитрова. О русской помощи Черногории в период Восточного кризиса 1875—1878 гг. «Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах». М., 1970, стр. 194—210.

⁶⁹ Первоначально была ассигнована сумма 30 тыс. руб., в мае 1876 г. она была увеличена до 40 тыс., в сентябре 1876 г.—50 тыс., а в 1878 г.—68 тыс. руб. А. Васильев. Среди народных страданий, стр. 4, 5.

⁷⁰ АВИР, ф. Главный архив V—A₂, 1875 г., д. 748, л. 5.

⁷¹ Там же, 1875 г., д. 747, лл. 279, об., 415.

нее 700 тыс. пудов муки (на 650 тыс. руб.), которая была переправлена в княжество на восьми пароходах⁷². В следующем году выдана ссуда для покупки 40 тыс. четвертей зерна⁷³.

Со вступлением Черногории в войну с Турцией русское правительство стало оплачивать ее военные расходы. За период 1876—1878 гг. помимо ежегодной субсидии на военные нужды черногорцам было предоставлено 3183 тыс. гульденов. Из них на 663 тыс. было закуплено продовольствие, на 265 тыс. — оружие и боеприпасы. В апреле и ноябре 1877 г. было снова передано 540 тыс. гульденов⁷⁴.

Русское правительство оказало также помощь Черногории в укреплении ее артиллерии и налаживании медицинского обслуживания среди населения и в армии. Еще в начале войны за счет русских субсидий было закуплено в Германии несколько тяжелых орудий для черногорской армии, которые Австро-Венгрия разрешила пропустить через свою территорию только весной 1877 г.⁷⁵ Вслед за этим в Черногорию были доставлены четыре пушки, переданные в дар русским правительством. Россия командировала также двух артиллерийских офицеров — капитанов Гейслера и Циклинского и с ними еще семь артиллеристов. Русские артиллеристы приняли активное участие в наступательных действиях в Герцеговине, пройдя с черногорцами весь боевой путь до окончания военной кампании⁷⁶.

Во время войны с Турцией в Черногории была организована литейная мастерская по изготовлению снарядов и ремонту оружия, производство которой наладил полковник И. Филипенко, прибывший из России в июле 1876 г. Сначала в ней работало два русских мастера и несколько итальянских рабочих. Затем Филипенко обучил литейному делу черногорцев⁷⁷.

Русским врачам принадлежит заслуга организации первых лечебных заведений в Черногории. 15 декабря 1875 г. в Черногорию был направлен русский санитарный отряд в составе четырех врачей, десяти медицинских работников и нескольких человек санитарного персонала.

С открытием военных действий в Черногорию прибыло еще несколько санитарных отрядов, снабженных всем необходимым

⁷² «Освобождение Болгарии от турецкого ига», т. I. М., 1961, стр. 566.

⁷³ «Освобождение Болгарии от турецкого ига», т. II. М., 1964, стр. 301.

⁷⁴ АВПР, ф. Турецкий стол (старый), 1877—1878 гг., д. 1605, лл. 32 об.—33 об.

В. Ђорђевић. Црна Гора и Аустрија. 1814—1894. Београд, 1924, стр. 413, 414.

⁷⁶ *Н. И. Соловьев*. Очерк турецко-черногорской войны 1876 и 1877 гг. СПб., 1898, стр. 49, 50, 53; *А. В. Щербак*. Черногория и ее война с турками в 1877—1878 годах. СПб, 1879, ч. 1, стр. 154; ч. 2, 1880, стр. 50, 55, 67.

⁷⁷ *А. В. Щербак*. Черногория и ее война с турками в 1877—1878 гг., ч. 1, стр. 32, 33.

для деятельности в полевых условиях⁷⁸. Больница была преобразована в госпиталь, а ее главным врачом назначен профессор Медико-хирургической академии Н. В. Склифосовский. Вслед за этим были открыты еще два лазарета. Армию обслуживало несколько подвижных санитарных отрядов⁷⁹. Русские медики совместно с черногорцами делили все тяготы военного времени⁸⁰. В общей сложности они оказали медицинскую помощь 40 тысячам раненых и больных. Черногорское правительство наградило орденом Даниила врачей Бोगоявленского, Ковалевского, Жужукина и Склифосовского⁸¹.

Русское общество откликнулось на нужды славян, в том числе и черногорцев, добровольными пожертвованиями. Известие о начале восстания на Балканах в первую очередь вызвало отклик среди революционно-демократических кругов России. Осенью 1875 г. ими были созданы подпольные комитеты по сбору пожертвований (на Украине). В Одессе такой комитет возглавил выдающийся русский революционер Андрей Желябов. Комитет организовал сбор средств в пользу повстанцев, закупал оружие и помогал добровольцам в выезде на Балканы.

В кампании в поддержку герцеговинцев участвовали также члены «Южнороссийского союза рабочих» Одессы и Ростова. При этом же они сочетали благотворительную деятельность с пропагандой⁸². Украинский общественный деятель М. П. Драгоманов указывал впоследствии, что средства, собранные для повстанцев одесскими революционерами, были «первым пособием» от России⁸³. Летом 1875 г. на Балканы отправилось несколько революционеров, в то время как основная масса добровольцев выехала из России только в 1876 г.⁸⁴

Во время сербо-черногоро-турецкой войны с пропагандой о необходимости оказания помощи славянам выступил русский демократ и ученый-славист П. А. Ровинский. Сочувствие, возникшее в России к славянам, и отправку русских добровольцев в

⁷⁸ ЦГВИА, ф. 277, оп. 1, д. 71, лл. 359—369 об., 388—388 об.

⁷⁹ «Освобождение Болгарии от турецкого ига», т. I, стр. 308; ЦГВИА, ф. 277, оп. 1, д. 71, лл. 522—528.

⁸⁰ А. В. Щербак. Черногория и ее война с турками в 1877—1878 гг., ч. 1, стр. 47, 49.

⁸¹ ЦГВИА, ф. 277, оп. 1, д. 71, лл. 577—578.

⁸² А. Д. Бачинский, М. Д. Дихан. Помощь ученых Новороссийского университета освободительному движению на Балканах (1875—1877). «Славянский архив». М., 1962, стр. 247—249, 255; Т. Г. Снытко. Из истории народного движения в России в поддержку борьбы южных славян за свою независимость в 1875 г. «Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии», стр. 88.

⁸³ М. П. Драгоманов. Автобиография. «Южнорусские рабочие союзы». М., 1925, стр. 38; А. Д. Бачинский, М. Д. Дихан. Указ. соч., стр. 249.

⁸⁴ В. М. Хевролина. Революционное народничество и национально-освободительное движение на Балканах в 1875—1876 гг. «Славянское возрождение». М., 1966, стр. 64—65.

Сербию для участия в войне с Турцией Ровинский охарактеризовал как «народное движение». Он с гордостью констатировал, что «...вся Русь от мала до велика с замиранием сердца ждала известий оттуда, где решалась судьба наших братьев»⁸⁵.

Отношение русского революционного народничества к освободительной борьбе на Балканах не было единодушным. Из среды русской революционной эмиграции большой интерес к борьбе на Балканах начиная с 60-х годов проявлял М. А. Бакунин. Среди добровольцев из России многие были его сторонниками. В то же время для некоторых представителей революционной эмиграции (П. Л. Лавров и П. Н. Ткачев) были характерны недооценка политической и национально-освободительной борьбы, а также преувеличение близости социальной революции. Так, П. Л. Лавров не одобрял участия в национально-освободительном движении и отрицательно отнесся к добровольческому движению. Эта часть революционной русской эмиграции полагала, что движение сочувствия славянам, охватившее различные слои русского общества, будет использовано правительством в целях усиления реакции внутри страны и может отрицательно сказаться на самих славянах.

После начала в 1876 г. войны Сербии и Черногории с Турцией почти все группы революционной эмиграции выступили против участия в национально-освободительном движении южных славян. Позднее, после открытия русской армией военных действий против Турции, многие представители революционного лагеря России стали сторонниками победы России, надеясь, что она не только принесет свободу славянам, но и повлияет на изменение политики царизма⁸⁶.

Когда в апреле 1877 г. Россия объявила войну Турции, Ровинский приветствовал это событие следующими словами: «Наконец наши отношения к остальному славянству из платонических становятся реальными; наши мечты переходят в действительность»⁸⁷.

Благотворительное движение возглавили славянские комитеты. После того как в конце августа 1875 г. в ответ на ходатайство Петербургского комитета Александр II разрешил производить сборы по всей территории Русского государства, славянские комитеты, Главное управление общества Красного Креста и синод обратились к населению с призывом вносить денежные пожерт-

⁸⁵ П. Ровинский. Наши отношения к сербам (Поученье из прошлого и настоящего). «Древняя и новая Россия». СПб., 1877, т. I, № 2, стр. 188.

⁸⁶ В. М. Хевролина. Революционное народничество и национально-освободительное движение на Балканах в 1875—1876 гг., стр. 70, 79.

⁸⁷ П. Ровинский. Битва у Каменицы, близ Ниша в мае 1809 года. (Эпизод из истории сербских войн за освобождение.) «Древняя и новая Россия». СПб., 1878, т. II, № 5, стр. 53.

вования⁸⁸⁻⁸⁹. В церквах были повешены крѹжки. Для привлечения средств в городах устраивались спектакли, вечера, читались лекции. Русская пресса осуществляла большую информационную и пропагандистскую работу.

Большой энтузиазм славянское движение вызвало также среди передовой украинской общественности. В начале 1876 г. украинский писатель И. Я. Франко опубликовал в львовском журнале «Друг» свое стихотворение «Задунайська писня». Поэт призвал сербов и черногорцев усилить борьбу против порабитителей, напомнив им о героических традициях балканских славян⁹⁰.

Славянофилы приняли деятельное участие в организации снабжения хлебом и медицинского обслуживания Черногории. Помимо ассигнования денег Московский и Петербургский славянские комитеты командировали в 1876 г. в Черногорию 9 врачей, 19 фельдшеров и 2 медицинских сестер⁹¹.

За период с конца 1875 по 1878 г. Россия оказала Черногории денежную помощь в размере 3390 тыс. гульденов, из которых 585 тыс. гульденов были собраны в качестве пожертвований⁹². Большая доля пожертвований была внесена крестьянами. Значение русской поддержки отметил член Международного комитета помощи герцеговинцам Г. Веселитский-Божидарович, заявивший, что наибольшее количество пожертвований пришло из «единокровной великой славянской страны». Он отметил также мобилизующую роль русской общественности в организации сбора пожертвований: «Наконец, теплое сочувствие и деятельная помощь, проявившиеся в сильной степени прежде всего в России, сообщались и другим странам»⁹³.

В 1878 г. произошло международное признание независимости Черногории и некоторое расширение ее территории. После этого история поставила перед ней новые задачи. Но тесные контакты, возникшие у черногорцев с Россией во время их борьбы за независимость, укрепили дружеские чувства между русским и черногорским народами.

⁸⁸⁻⁸⁹ «Освобождение Болгарии от турецкого ига», т. I, стр. 85.

⁹⁰ М. Я. Гольберг. Балканские события 70-х годов XIX в. и некоторые вопросы развития украинско-сербских общественно-политических и культурных связей. «Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах», стр. 215—216.

⁹¹ ЦГВИА, ф. 277, оп. 1, д. 71, лл. 388—388 об.; ЦГИАЛ, ф. 651, д. 892, л. 7.

⁹² АВПр ф. Турецкий стол (старый), 1877—1878 гг., д. 1605, лл. 23—24 об., 34—35 об.

⁹³ «Голос», 29 декабря 1875 г.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И. И. Костюшко, М. М. Сумароков.</i> Октябрьская революция и развитие революционной мысли в Польше и Югославии (1917—1923 гг.) . . .	5
<i>А. И. Недорезов.</i> Общественно-политическое значение солидарности славянских народов в годы второй мировой войны	28
<i>Л. Я. Гибианский, Г. П. Мурашко, В. С. Парсаданова.</i> Освободительная борьба славянских народов Центральной и Юго-Восточной Европы в годы второй мировой войны и концепции общественно-политического развития	52
<i>Л. Б. Валев, В. В. Марьина, Г. М. Славин.</i> Всеславянский комитет и освободительное движение зарубежных славянских народов в период второй мировой войны	73
<i>И. А. Хренов, С. М. Стецкевич.</i> Революция 1905—1907 гг. в России и развитие национально-освободительного движения славянских народов	92
<i>Ю. А. Писарев.</i> Освободительная борьба югославянских народов Австро-Венгрии в годы первой мировой войны и распад монархии Габсбургов	115
<i>Л. А. Обушенкова, В. И. Фрейдзон.</i> О влиянии национально-освободительного движения славянских народов на развитие их национального самосознания (конец XVIII — 70-е годы XIX в.)	125
<i>Н. Д. Ратнер.</i> Либеральная и демократическая печать России о славянах Австрийской монархии в связи с образованием в 1871 г. Германской империи	150
<i>Н. И. Хитрова.</i> Русское общество и Черногория в 60—70-е годы XIX в.	164
<i>И. В. Чуркина.</i> Общественные, научные и культурные связи славян Австрийской монархии и России в 60-е годы XIX в.	185
<i>Т. И. Алексеева, В. П. Алексеев.</i> Этногенез славянских народов по данным антропологии	211
<i>В. П. Алексеев, Ю. В. Бромлей.</i> К вопросу о роли автохтонного населения в этногенезе южных славян	223
<i>С. А. Токарев.</i> Начальный период славянской этнографии	237
<i>А. И. Рогов.</i> Россия в польских исторических и географических сочинениях XVII в.	250
<i>К. И. Ровда.</i> Славянская общность и проблемы культуры	267
<i>В. М. Гацак.</i> Метафорическая антитеза в сравнительно-историческом освещении	286
<i>В. Е. Гусев.</i> Романтизм в Польше и кукольный театр славянских народов	307
<i>В. И. Злыднев, И. И. Лещиловская, Е. П. Львова.</i> Национально-освободительное движение южных славян и проблема формирования национальных культур	330
<i>Б. П. Кирдан.</i> Актуальные проблемы изучения фольклорных связей восточных и западных славян	344
<i>Н. И. Кравцов.</i> Романтизм в славянских литературах и фольклор	358
	495

<i>К. В. Чистов.</i> Этнические аспекты славянской фольклористики	365
<i>У. Б. Далгат.</i> Проблема инационального (кавказского) фольклора в эстетике русского романтизма	386
<i>А. Л. Хорошкевич.</i> Русско-славянские связи конца XV — начала XVI в. и их роль в становлении национального самосознания России	405
<i>В. К. Соколова.</i> Современное состояние преданий	423
<i>Г. Н. Моисеева.</i> Литературно-общественные и научные связи России и Польши конца XVII — середины XVIII в.	438
<i>И. Ф. Бэлза.</i> Развитие этических концепций польского романтизма	452
<i>А. В. Десницкая.</i> О боснийско-албанских связях в области эпической поэзии (Вопрос о соотношении боснийского и албанского эпических циклов «Муйо и Халиль»)	460

История, культура, этнография и фольклор славянских народов

Утверждено к печати Институтом славяноведения и балканистики АН СССР

Редакторы издательства *Н. П. Бобрик, С. Н. Васильченко, Т. Г. Иванова, Л. С. Кручинина, Е. П. Прохоров*

Художественный редактор *Ю. П. Трапаков*

Технические редакторы *В. В. Волкова и Л. И. Куприянова*

Сдано в набор 12/XII-1972 г. Подписано к печати 3/IV-1973 г.
 Формат 60×90¹/₁₆. Усл. печ. л. 31. Уч.-изд. л. 33,2, Тираж 3950,
 Тип. зак. 5303. Бумага № 2. Т-04851.

Цена 2 р. 23 к.

Издательство «Наука», 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10